

Я ожившее солнце таскал на плечах,
Не внимая смертельности жара,
Запах воли пытливо шатался в хлебах,
Пересчитывал метры гектара

Подгонял меня нервно вовсю солнцепёк,
И дымился вспотевший затылок,
Но я шёл неотступно, не пал и не слёг
Под прощальные взмахи дробилок.

И колосья, что быстро ушли на размол,
Меня молча добром поминали.
От палящего света я всё же ушёл
В Божий сумрак предвечной печали.

И сидел я один, слушал ропот костра
И смотрел в необъятность юдоли,
И за солнцем ушла молодая жара,
Мне оставив нагар цвета смоли.

ПОЛУДНИЦА

В жаркой дали у разрушенных будок,
Где дозревают в суслонах снопы,
Нет ни единой заметной тропы,
Есть только я, потерявший рассудок,
Ржавый комбайн да электростолбы.

В платье прозрачном грудастая ржица
Расхохоталась и бросилась в пляс.
Полдень, испарина, жатвенный час –
Мне бы сбежать, окунуться, напиться
Или найти перетоптанный лаз.

Выжгли глаза мне лучистые пряди,
В душу прокрался полуденный зной.
Что же ты сделала, ржица, со мной?
Слышу спасенье в небесном раскате.
Ты принесёшь мне воды дождевой?

ЖИТНИК

Над клеверным холмом еловый ветер сник,
И полегли дожди, и тьмы приятен запах,
И кажется: весь мир у сна в медовых лапах,
И бродит у стогов рогатый полевик.

Я знаю, что неправ хвостатый житный дед;
Встревожил тебя зря, но я ведь ненароком.
Я изгнан с поля был ехидным солнцепёком,
Я слышал: ты ни с кем не жалуешь бесед.

Послушай, дух полей, наследник луговин!
Ведь встреча коротка, и скоро я исчезну,
Раскрой мне навсегда ромашковую бездну
И проведи меня в свой праздничный овин.

ЖИХАРЬ

В нишах овина – пшеничная кладка,
В ней обособился кряжистый тип,
В нём скрыта тайна, былина, загадка,
Виден сквозь щель его тени изгиб.

Чудится мне: он – подобие рыси,
Так же проворен, когтист и мохнат.
Вдруг я поймал его рвущийся взгляд,
И он понёс меня в грязные выси.

Что тебе надобно, потусторонник?
Брось меня здесь, посреди луговин.
Вижу крапиву, фиалку и донник,
Горькую мглу и разломанный тын.

Вижу колосьев забытых останки,
Тень полевого в последних снопах.
Свет огнеликий мгновенно зачах.
Я словно ветер на хлебной полянке.

Я и не я пробуждаюсь впотьмах.

* * *

Вы мне годы не срежете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей.

Пролезая из темени,
Слёзно бьётесь в окно,
Каплю летнего времени
Вам украсть не дано.

Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.

Ночь рассветом разгадана
Солнце – мой золотник.
Веет запахом ладана
Алой осени лик.

ТЬМА

Небо погасшего полуоттенки
Ночь измельчила до полутонов.
Я был прижаться к тебе не готов,
Ты опустилась ко мне на коленки.

Время текло безвозвратно и снуло,
Ты, как и прежде, горька, холодна,
Тяжкой печалью меня обтянула,
В мрачной глуши тарабанил желна.

Были его переменчивы дробы,
Что настучал чёрнокрылый самец, –
О переменах, о счастье, о злобе
Или о том, что Спожинкам конец.

Мир, словно деву, поймают у дуба,
Мёртвый скиталец – клыкастый упырь.
Будет повержена слёзно и грубо
За сорок дней солнцеликая ширь.

Будут деревья в следах кровососа
Плакаться полю в пунцовой дали.
Будут смотреть замороженно-косо
Листья, что под ноги людям легли.

Ливни затянут угрюмые речи,
Ты вновь захочешь прижаться ко мне.
Знаешь, я больше не верю желне
И зажигаю пасхальные свечи.

ТЬма, оставайся на выжженном пне.

ХРАНИТЕЛЬ ЧАЩОБ

Он призывал к себе из хвойной чащи –
Зверей хозяин – мрачный лесовик,
От разговоров он давно отвык,
И голос его, ветренный, свистящий,
Скорее был похож на совий крик.

Скажи, ты не устал от этой ноши?
От лесорубов, браконьеров, дележа?
Он отвечал, насупленно дыша,
Похлопывая медленно в ладоши,
Что век прожил, чащобы сторожа.

Он вёл меня по тьме и бездорожью,
Прикидывался дубом, волком, пнём.
Я всё гадал, когда же мы придём?
Мне он казался бесконечной ложью,
Туманным утром, отсыревшим днём.

ТРАВНИЦА

Ей сложно выходить уже на двор
И ощущать и снег, и дождь щеками;
Она жива, но только до сих пор
Чего-то ждёт молельными ночами.

Сроднился с ней изношенный халат,
Согрелось сердце в козьей безрукавке.
Кто прав был в прошлом, а кто – виноват? –
Она решает в повседневной давке.

К ней приезжают все: и стар, и млад
Из дальних деревень, и городские,
Калеки, алкоголики, глухие.
И сквозь отчитку слышен перемат.

И трав сушёных у неё избыток,
Для каждого особый есть отвар,
И не берёт старушка гонорар
За грешных исцеляющий напиток.

Багульник, зверобой, аир, иссоп,
И мех, и мясо им убитой дичи
Приносит ей чахоточный лесничий,
Ей хилый плотник приготовил гроб.

С лесов, полей, болот, долин и рощ,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвощ.

Её сосед – безрукий долговяз –
Всё носит ей акафисты, просфорки,
От сельского священника наказ,
Который хуже самой жёсткой порки.

Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.

И плачет в одиночестве навзрыд,
И кается впотьмах под образами,
И верит, что Христос её простит
И примет с искуплёнными грехами.

г. Москва